

УДК 811.161.1'271-05+821.161.1...А/Я.08

**В ПОИСКАХ СЛОВА И ФОРМЫ:
АВТОРСКИЕ ПРАВКИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА В ТЕКСТАХ
«АНАКРЕОНТИЧЕСКИХ ПЕСЕН»**

Т.П. Заиконникова

Аннотация

Статья посвящена вопросам соотношения общелитературного и индивидуально-авторского языка. На примере анализа языковых особенностей переложений песен Анакреонта, сделанных Ломоносовым, Львовым и Державиным, выявляется характер отражения в поэтических произведениях XVIII в. объективных процессов развития лексико-семантической, морфологической и других систем русского литературного языка. Особое внимание уделяется анализу авторских правок и разночтений, зафиксированных в разных редакциях «Анакреонтических песен» Г.Р. Державина. Установлено, что слово- и формоупотребление поэта – результат осмысленного выбора в пользу одного из лексических и грамматических синонимов, широко представленных в языке XVIII века.

Ключевые слова: язык поэзии XVIII века, авторская правка Державина, лексические и морфологические разночтения.

То, что XVIII век занимает особое место в истории русского литературного языка, ни у кого не вызывает сомнений. При изучении любого процесса в лексико-семантической, словообразовательной, грамматической сферах языковеды неизменно приходят к выводу о том, что именно в XVIII в. наблюдается наиболее интересное взаимодействие старых и новых элементов систем слово- и формообразования, обостряется конкуренция между ними, что определяет основные тенденции в формировании современных литературных норм.

В своих работах, посвящённых языку этого периода, исследователи широко используют материал поэтических и прозаических произведений М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, В.К. Третьяковского, А.П. Сумарокова и других авторов. При этом остаётся открытым вопрос о монографическом, системном изучении языка таких мастеров, как Ломоносов и Державин, не говоря уже о Третьяковском или Сумарокове. Лингвисты до сих пор в большом долгу перед родоначальниками русского поэтического языка.

Творчество Г.Р. Державина давно и всеми признано важной вехой в развитии русской литературы, русской культуры в целом. Существует множество литературоведческих работ, в том числе и монографического характера, в которых полно и глубоко исследуются особенности поэтического мира предшественника А.С. Пушкина. Однако языковеды, к сожалению, обращаются к поэтическим текстам Державина лишь фрагментарно, добротного монографического анализа языка и стиля державинской поэзии пока нет.

«Анакреонтические песни» как единый цикл ещё не были объектом лингвистического исследования, тем более в качестве цельной языковой и стилистической системы, несмотря на то что Державин – автор самого полного собрания русской анакреонтики, замечательной, оригинальной во многих отношениях. В «Анакреонтических песнях» впервые в русской поэзии утвердился культ частного существования человека, находящегося в согласии с природой и сельским бытом. Именно в этом цикле наиболее полно реализованы принципиально новые эстетические представления поэта о человеке, окружающем его мире и их взаимодействии. «Анакреонтические песни» сосредоточили в себе основные итоги развития русской поэзии, её стиля и языка в XVIII столетии, воплотили наиболее интересные и продуктивные направления будущего её расцвета – от Ломоносова к Пушкину.

Мы попытались выявить языковые и стилистические особенности державинских переводов и переложений знаменитых од Анакреонта, сопоставляя их с соответствующими анакреонтическими стихами предшественников Державина – М.В. Ломоносова и Н.А. Львова. Построчный анализ трёх разных «переводов», восходящих к одному оригиналу, обнаруживает заметное и весьма симптоматичное различие сопоставляемых текстов. Каждый из поэтов самостоятелен в отношении к источнику, и языковая ткань песен (лексический состав, фразеология, формы словоизменения, синтаксические особенности, размер стиха, его звуковая и акцентная организация) в полной мере отражает это своеобразие.

Если Львов стремится к максимальной языковой близости перевода к оригиналу, к «музейности», то Ломоносов и Державин в большей степени передают дух, мысль, настроение Анакреонова стиха, не подражая слепо языку и стилю шаблонной антологической поэзии. Достаточно обратить внимание на состав собственных имён, встречающихся в переложениях Львова и Державина. У Львова это *Арктос, Вост, Плутус, Эрот, Цитерея, Киприда, Зевес, Афродита, Крезус* и т. д. Пожалуй, ни одно стихотворение Львова не обходится без упоминания античных богов, полубогов, многочисленных персонажей классической поэзии. У Державина находим имена *Лель, Север, Лада, Добрада, Параша, Лиза, Даша, Варюша, Нина, Палаша* и т. п.

Державин, конечно, не мог обойтись без имён античных богов и героев, но, во-первых, их гораздо меньше, чем у Львова, во-вторых, знаки античности для него скорее средство поэтизации национально насыщенного текста. Например, в оде «Богатство» у Львова присутствуют *Плутус, Венера*, у Державина же нет упоминания ни об одном античном персонаже.

Львов:

*Когда бы Плутус златом
Мог смертных жизнь продлить
<...>
На ложах ароматных
Венере послужить*

(АП, с. 426).

Державин:

*Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить <...>
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить*

(АП, с. 51)

Основное внимание Державин уделяет предметному миру, в том числе и зримым приметам национальной русской жизни. Идеал Державина всецело выводится из русской действительности – и национально, и предметно, и биогра-

фически. Стихотворения поэта насыщены предметной лексикой, называющей вполне узнаваемые реалии русской жизни, русского мира: *шелом, кольчуга, палица, терем, светлица, чашка, кружка, балалайка, бычок* (танец), *казачок* (танец), *хоровод, коньки, сани, калач, баранка, крендель* и т. д.

Державин смело, широко вводит в тексты своих переложений неклассические слова, обороты, конструкции, характерные для народно-разговорного языка. Это заметно оживляет, делает ярким, оригинальным язык его песен. Вот несколько строчек из стихотворения «Бой»:

*Тут откуда ни возьмися
 Предо мною Лель предстал,
 Красной девой нарядился,
 «Переведайся», – сказал. <...>
 Почал Лель перить в щит стрелы,
 А доспехи жечь свечой. <...>
 Я уж думал, бой свершился
 И что я-то был герой (АП, с. 42).*

Сравним, к примеру, безликие строки Львова и яркие державинские стихи в переложениях оды № 22 «Богатство».

Львов:

*Рачительно б старался
 Я золото копить
 На то, чтоб откупиться
 Тогда, как смерть явится*

(АП, с. 426).

Державин:

*Копил бы для того я злато,
 Чтобы, как придет смерть сражать,
 Тряхнуть карманом таровато
 И жизнь у ней на откуп взять*

(АП, с. 51).

Эту особенность державинского стиха со свойственной ему точностью и глубиной отметил Н.В. Гоголь: «Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Разъяв анатомическим ножом, увидим, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слов с самыми низкими и простыми, на что бы никто не отважился, кроме Державина» [1, с. 165].

Новаторство Державина проявляется и в том, что его так называемые переводы из Анакреонта отличаются максимальной субъективностью, автобиографичностью. Он сам – и автор, и герой своих произведений, изображаемый как реальный человек во всём многообразии его связей с действительным миром. Эксплицитность позиции автора обусловлена стремлением к познанию самого себя в окружающем мире, к общению с этим миром, а в целом – коммуникативными установками, реализуемыми в жанре анакреонтических песен. Это открытие Державина обнаруживается в обилии таких слов и форм, которые выражают значение лица – субъекта действия, собеседника. Сравним, например, тексты оды «Старик» в переложениях Львова и Державина: у Львова *старик* – это Анакреонт, у Державина – сам автор, поэтому в 4 строках второй строфы 4 раза используется местоимение первого лица *Я*. Показательно, что Державин осознанно стремится усилить этот личный акцент, о чём говорят правки текста.

Было:

*в том только уверяю <...>
 чем час придет скорее
 его похоронить (АП, с. 211).*

Исправлено на:

*я только уверяю <...>
 приходит чем скорее
 меня похоронить (АП, с. 81).*

В стихотворении «Купидон» в 36 строках у Державина встречается 11 указаний на первое лицо, у Львова – втрое меньше. Подобное соотношение наблюдается повсеместно.

Открытость, даже обнажённость, коммуникативная активность автора и лирического героя державинских песен проявляются в его стремлении ввести в свой действенный мир как можно больше содейателей или собеседников – и обыкновенных людей, и мифологических персонажей, и даже неживые объекты. Тексты песен насыщены диалогами, формами обращений, императивами. Неслучайно сами названия песен представляют собой указание на адресата поэтического послания в виде формы существительного в дательном падеже: «*Лизе*», «*Люси*», «*Любушке*», «*Невесте*», «*Графине Орловой*», «*Нине*», «*Другу*», «*Сафе*», «*Пламиде*», «*К Софии*», «*Евгению. Жизнь Званская*» и под. Такие стихотворения начинаются с обращения к адресату: *О ты, Люсинька любезна!; Не сжигай меня, Пламида; О сколь, София, ты приятна* и т. п. Обращения очень часто составляют первую строку и таких песен, в названиях которых использована форма именительного падежа существительных, причём не только названий лица, но и названий птиц, животных, явлений природы: *Как, Варюша, ты прекрасна!* («Варюша»), *Синичка весенняя!* («Синичка»), *Пчелка золотая!* («Пчела»), *Пеночка, как ты проснешься* («Пеночка»), *Зрел ли ты, певец тишский* («Русские девушки»), *Тише, тише, ветры, вейте* («Пришествие Феба»), *Звучи, о арфа, ты все о Казани мне* («Арфа») и т. п.

Очень много важной и интересной информации о языковых особенностях, слоге автора может дать такой приём, как анализ разночтений, представленных в разных редакциях одного и того же текста, выявление характера авторских правок. Такие наблюдения над материалом «Анакреонтических песен» Державина стали возможны благодаря прекрасному академическому изданию этих текстов под редакцией Г.П. Макогоненко в серии «Литературные памятники» (АП). Это издание стало важным шагом к подготовке полного академического собрания сочинений Державина. Важнейшее достоинство его заключается в том, что составители впервые так широко используют не только печатные издания, но и многочисленные, ранее не привлекавшиеся рукописные материалы державинских архивов.

До сих пор наиболее основательным считается гротовское издание сочинений Державина. Но, как показали лингвистические исследования, Я.К. Грот далеко не всегда был точен в передаче державинского языка. «Известно, – писал Грот о Державине, – что он в теории языка не имел твёрдых знаний, и потому не может быть державинской орфографии, как есть орфография ломоносовская и отчасти сумароковская. В отношении к орфографии и пунктуации нам оставалось, следовательно, держаться принятых в настоящее время общих начал» [2, с. 37]. Давая такую оценку правильности языка Державина, Грот не только слишком вольно исправляет орфографию и пунктуацию оригинала, меняя их на более современные, «правильные», но и делает поправки лексические, словообразовательные, морфологические, что может даже ломать рифму и размер стиха.

«Поправки в издании Грота искажают иногда не только отдельные слова и формы, но охватывают целые грамматические категории и классы слов» [3, с. 284]. Так, Грот упорно исправляет формы им. п. мн. ч. существительных среднего рода типа *солнцы, кольца, чувства* на более «правильные» *солнца,*

кольца, чувства; прилагательные *поздний, дальний, давний* он заменяет на *поздний, дальний, давний*, хотя синонимия прилагательных с твёрдой и мягкой основой была весьма характерным явлением не только для XVIII, но и для XIX века; весьма искажённое представление складывается о соотношении форм прилагательных на *-ый* и *-ой*, если судить по гротовским поправкам, хотя сам Державин дифференцировал эти формы стилистически.

Такая позиция издателя кажется странной, поскольку сам Грот так писал о значимости авторского текста, о необходимости максимально точной его передачи: «В издании автора, который исправлял и переделывал свои выражения, необходимо дать читателю возможность следить за постепенным ходом сочинения и как бы присутствовать при самой работе писателя. Часто одна какая-нибудь новая черта мысли, изменения одного слова важны или любопытны для наблюдений над развитием таланта, над законами языка, слога или искусства» [2, с. 37].

Вопреки довольно распространённому представлению о недостаточной точности поэтического языка Державина, о вполне возможной случайности использования им того или иного слова, той или иной формы мы утверждаем, что поэт с большой тщательностью отделял язык своих произведений, продумывая мельчайшие детали слово- и формоупотребления, весьма полно и точно отражая при этом характерные особенности языка своего времени. Показательно в этом плане следующее замечание знатока рукописных фондов Державина Д.С. Бабкина: «В течение многих лет... Державин давал переписывать в эти тетради (имеются в виду 6 томов рукописей, хранящихся в Пушкинском доме. – Т.3.) свои сочинения. <...> Затем каждое произведение, переписанное писцом, он подвергал переработке <...>. В результате этого получалась совсем новая редакция текста, которую писец вторично переписывал на следующих листах тетради, а Державин ещё и ещё раз вносил в неё поправки» [4, с. 75–76].

На примере анализа авторской правки стихов, входящих в цикл анакреонтических песен, мы можем увидеть эту кропотливую, осмысленную работу Державина над языковой формой стиха. Наблюдая за такими заменами одного слова, одной формы другими, можно попытаться определить, чем они вызваны, в каком направлении движутся языковые, нормативно-стилистические предпочтения и представления автора, насколько созвучны они основным тенденциям развития русского литературного языка. Впервые такого рода анализ на материале поэтических произведений Державина был сделан профессором В.М. Марковым [5]. Нам показалось интересным провести подобное исследование, сосредоточившись лишь на цикле анакреонтических песен. Учитывая заметную тематическую, идеологическую, художественно-изобразительную специфику этих стихотворений, можно ожидать и особых речевых установок автора, диктовавших направление правок в тексте.

Лексические замены достаточно часты, разнохарактерны и разнонаправленны. Профессор Марков отмечает, что в целом в стихотворениях Державина замена книжных, славянизированных слов на нейтральные резко преобладает над обратной заменой. По нашим материалам такого вывода сделать, пожалуй, нельзя, поскольку в равной мере представлены случаи выбора и славяно-книжного, и нейтрального слова. Так, в стихотворении «Пламиде» вместо рукописного *огнь* в окончательном варианте выступает *огонь*: *и огонь погас в груди моей – и огонь*

погас в крови моей (АП, с. 208), но – *погас огонь в душе моей* (АП, с. 72). Вместо неполногласного приставочного *препроводить* остается *проводить* в стихотворении «Богатство». Интересно, что черновики фиксируют несколько вариантов стиха и с неполногласием, и без него: *время препроводить – с братьями время препроводить – с друзьями дни нам проводить – с друзьями дни мне проводить* (АП, с. 193), наконец беловой вариант – *не лучше ль в пириествах приятных / С друзьями время проводить* (АП, с. 51). Замена неполногласия целым оборотом, близким к народно-разговорному языку, наблюдается в работе над стихотворением «Бой»: в черновике было *сердце хладное такое* (АП, с. 186) – осталось в тексте *сердце мне вложил такое, / Что смотрел я сентябрем* (АП, с. 42).

В стихотворении «Богатство» находим, напротив, пример закрепления неполногласного слова: в черновике – *почто же золота алчбою* (АП, с. 192), в окончательном виде – *Почто же злата мне алчбою / Так много наш смущать покой* (АП, с. 51). Можно предположить, что выбор славянизированной огласовки вызван сочетанием с явно книжным существительным *алчба*, тем более что при рассмотрении 6 вариантов данного фрагмента текста Державин упорно сохраняет это слово. И ещё: в неполногласном *злато* в большей степени, чем в полногласном соответствии, сосредоточено значение ‘все богатства мира’.

О предпочтении более книжного варианта нейтральному говорят и примеры, отражающие размышления поэта в отношении глаголов. Так, в стихотворении «Русские девушки» нейтральное *видел* заменяется книжно-поэтическим *зрел*. В черновике читаем: *Видел ли, певец лезбийский, / В хороводах как бычка / Пляшут девушки российски / По свирели пастушка*, далее – *если б видел дев сих красных*, а также ещё 4 варианта с формой *видел* и 3 употребления формы *зрел* (АП, с. 195–196). Но в окончательном варианте всё-таки закрепляется *Зрел ли ты, певец тишский* (АП, с. 55).

Более уверенно, определённо можно говорить о лексических заменах, отражающих вытеснение устаревших слов более современными. В рукописи стихотворения «Бой» находим *тут откуды ни возьмися* или далее *где откуды ни возьмися* (АП, с. 186), в готовом тексте уже – *тут откуда ни возьмися* (АП, с. 42). В стихотворении «Препятствие к свиданию с супругой» отмечаем первоначальное наречие *тамо*, а в окончательном варианте – *там: Там радости сердечны* (АП, с. 226), но – *Там веселия сердечны... там блаженствы бесконечны* (АП, с. 104). Об этой же тенденции свидетельствуют случаи замены древних приставочных глаголов более продуктивными приставочными образованиями. В стихотворении «Бой» первоначально было: *сам стрелой мне в грудь скочил* (АП, с. 186), но в окончательном тексте – *сам вскочил мне в грудь стрелой* (АП, с. 42), а также *защититься* вместо *щититься*, *обрушить* вместо *рушить* и под.

Примером такого же рода может служить замена устаревшего *отчество* в значении ‘родина’ на *отечество*. В стихотворении «Арфа» вначале было так: *про родину мою, про отчество драгое*, и ещё – *поет про родину, про отчество драгое* (АП, с. 199), после исправления читаем:

*Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отчество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое* (АП, с. 57).

Обращает на себя внимание одновременное присутствие в этих строках неполногласного *драгое* и полногласного *золотое*, славянизированных лексем *внимать*, *возвещает* и разговорного *время катится*. В державинском стихе всё это гармонизировано, подчинено мысли и настроению поэта и не вызывает ощущения разностилевой маркированности.

Неровно, не всегда понятно производится замена слов и выражений разговорно-просторечных на более нейтральные. Так, в вариантах стихотворения «Купидон» читаем: *Я ребенок, и я сбился; Я ребенок, шедши, сбился / В ночь безмесячну с пути... / И не знай куды идти* (АП, с. 186). В последней строке поэт делает несколько поправок: *и не знай куда идти; не нашел куда идти* (АП, с. 186). В окончательном варианте остаётся: *Я ребенок: как-то сбился / В ночь безлунную с пути, / Весь дождем я замочился / Не найду, куда идти* (АП, с. 43). При этом заменяется выражение *не знай куды идти* (с наречием *куды*) на менее маркированное *не найду куда идти* (с наречием *куда*).

В сравнении с этой правкой неожиданным выглядит предпочтение, отданное Державиным просторечному обороту в стихотворении «Анакреоново удовольствие»: вначале было *Премудрость я оставил: не надобна она* (АП, с. 207), а затем стало *Премудрость я оставил, не надо мне она* (АП, с. 68). Разговорная, живая стихия русского языка, безусловно, украшает анакреонтические песни Державина в виде афористичных выражений, таких как *хватъ в колчан, ан стрел уж нету; за дичиною гулять* ‘охотиться’; *стал в пень* ‘остолбенел от удивления’; *схраннуть минут пяток* и под.

«Анакреонтические песни» дают богатейший материал для наблюдений за соотношением старых и новых, стилистически маркированных и нейтральных грамматических форм разных частей речи. В рамках небольшой статьи невозможно проанализировать все те морфологические явления, которые отражены в текстах державинских песен. Отметим лишь некоторые из них.

В соотношении флективных синонимов на *-и/-ы* и на *-á* в им.-вин. п. мн. ч. существительных мужского рода наблюдается, хотя и не всегда, замена старых форм на новые, например в стихотворении «Горячий ключ»: *поящий луги, доли злачны* (АП, с. 187), но: *луга поящий, доли злачны* (АП, с. 44). В род. п. мн. ч. существительных среднего рода часты замены старых форм на *-ев* новыми формами с нулевым окончанием, например в стихотворении «Гимн Сафы Венере»: *Приди ко мне, спаси, / Освободи жестоких / Томлениев и муки* (АП, с. 209), но после правки: *Освободи жестоких / Томлений, грусти, муки* (АП, с. 76). Формы типа *желаньев, страданьев, приказаньев* были вполне обычными для XVIII века, употребление их в языке тех или иных авторов могло быть практически нормой, например в бумагах и письмах А.В. Суворова, где других образований в этом падеже просто нет. Державин, как мы видим, всё чаще предпочитает генитивные образования с нулевой флексией, причём не только для существительных среднего рода, но и для имён женского рода типа *стихия, лилия*. Так, в стихотворении «Рождение Красоты» вначале было: *Чтоб стихиев бунт смирился* (АП, с. 190). В окончательном варианте существительное *стихия* отсутствует (возможно, из-за сложности выбора более «правильной» формы):

*Но Зевес вдруг умиллся:
Стало, зная, красавиц жаль,*

*А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал* (АП, с. 46).

Показателен пример размышлений поэта над формами *стихиев* – *стихий* в стихотворении «Бессмертие души», лишь условно включаемом исследователями в цикл «Анакреонтических песен». В черновике было: *Коль можно, чтобы царь всемирный, / Господь стихиев, вещества* (АП, с. 153), после правки – *Господь стихий и вещества* (АП, с. 247).

В отличие от указанных выше форм практически не устраняются формы им.-вин. п. мн. ч. существительных среднего рода с флексией *-ы/-и*. Вызванные взаимодействием имён мужского и среднего рода в парадигме 2-го склонения, эти образования оказались достаточно живучими и в XVIII, и в первой половине XIX века, вытесняя закономерные формы на *-а*. В песнях Державина мы не обнаружили ни одной замены формы с флексией *-ы/-и* на форму с флексией *-а*. Показательно в этом отношении стихотворение «На брачные торжества». В черновиках (АП, с. 174–175) трижды используется соответствующая форма этого существительного, но лишь 1 раз – с флексией *-а*. В окончательном тексте поэт даже в названии закрепляет форму *торжества*. В стихотворении «Мщение» встречается несколько интересующих нас форм. В черновиках находим: *на, сердясь, сказал, хищеньи; на, – сказал, – мои хищеньи / ты для памяти возьми, / и отныне наслажденьи / ты в устах своих храни* (АП, с. 214). Как видим, меняются местами слова, дополняются строки, но форма *хищеньи* остаётся без изменений, как и форма *наслажденьи*. Сохраняются они и в окончательном варианте (АП, с. 93).

Требует более внимательного рассмотрения параллелизм форм с безйотовой и йотовой основами во множественном числе существительных мужского и среднего рода типа *лист, дерево, крыло*. В качестве современной нормы закрепились образования с формообразующим суффиксом *-j-* вроде *листья* (в значении ‘лист дерева’), *деревья, крылья*. Державин использует обе возможные формы, но, судя по нашим наблюдениям, обычно выбирает безйотовые параллели. Примечательно, что таковы же пристрастия Ломоносова: в «Российской грамматике» он приводит формы *листья, колья, брусья, деревья*, но в своей писательской практике, в поэтических текстах и в научной прозе явно предпочитает использовать формы без йота в основе.

В стихотворении «Венерин суд» Державин вначале употребляет йотовую форму: *пчела, под листьями сидя* (АП, с. 189), но в окончательном тексте заменяет её формой без йота: *на розе опочила / в листах пчела сидя* (АП, с. 45). В черновиках стихотворения «На брачные торжества» формы множественного числа существительного *крыло* встречаются трижды, два раза с йотовой основой и 1 раз без йота в основе: *робея, крыльями взмахнул; бледнея, крылья встрепел; крылами трепетно взмахнул* (АП, с. 174). В окончательном варианте стихотворения остаются две формы, и обе – без йота в основе: *На розовых крылах Темпейску / Эрот долину пролетал; Узрел, – и с ужасу и хладу / Крылами в трепете взмахнул* (АП, с. 27). Вероятно, Державин счёл исконные формы более подходящими для данного стихотворения, насыщенного книжными поэтизмами. Однако симптоматичны сами размышления автора над возможностью такого выбора.

В рамках настоящей статьи мы опускаем анализ таких явлений грамматической синонимии, как соотношение флексий *-ой* и *-ий* (*-ий*) в прилагательных, разграничение полных, кратких и усечённых прилагательных. Прокомментируем лишь случаи замены так называемых притяжательных прилагательных сочетаниями родительного принадлежности. В стихотворении «Пленник» есть такая поправка: в черновике было *но пленникову долю / Пусть выкуп сей прервет* (АП, с. 211), в окончательном тексте *Но пленника пусть долю / Хоть выкуп сей прервет* (АП, с. 81). Мы наблюдаем здесь реакцию чуткого к языку поэта на очень важный процесс вытеснения так называемых притяжательных прилагательных, весьма продуктивных в языке древнерусской эпохи и всех последующих периодов, но в начале XIX в. резко вышедших из употребления.

В сфере глагольного формообразования и словоизменения следует выделить прямолинейно и последовательно действующую тенденцию к закреплению в качестве нормы суффикса инфинитива с редукцией гласного, то есть форм на *-ть*. Замена старых инфинитивов на *-ти* отмечается буквально во всех стихотворениях Державина, написанных в 70-е годы XVIII в., например в тексте «Препятствие к свиданию с супругой»: *я хотел бы жизнь **ввергати** / во все страхи для нея, / но ее мне **потеряти** – / Больше жизни моя* (АП, с. 225) исправлено на *Не страшился б я **ввергаться** / в волны яры для нея, / Но навеки с ней **растаться**, / Жизнь мне дорога моя* (АП, с. 104). К восьмидесятым годам Державин решительно отказывается от использования архаических форм инфинитива, хотя делает это гораздо позже Ломоносова.

Представляют несомненный и пока не реализованный интерес такие особенности державинской грамматики, как параллелизм глагольных образований с постфиксом *-ся* и без него, формирование и функционирование в тексте причастий и деепричастий, характер глагольного управления, – всё это требует серьёзного осмысления, детального анализа.

В заключение следует сказать об уникальности того языкового материала, который обнаруживается в «Анакреонтических песнях». Державин, будучи удивительно чутким и восприимчивым мастером слова, сумел отразить в языке своих произведений всю сложнейшую палитру явлений, процессов и тенденций, определивших состояние русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. Его реакция на все эти динамичные явления, глобальные и менее яркие изменения требует глубокого и тонкого анализа, который даст возможность исследователям понять диалектически связанные разнородные факторы, обуславливавшие множество разноуровневых преобразований.

Summary

T.P. Zaikonnikova. In Search of a Word and a Form: G.R. Derzhavin's Corrections in "Anacreontic Songs".

The article deals with the correlation between common-literary and individual language. We analyze the linguistic features of the translations of Anacreon's songs, performed by Lomonosov, Lvov and Derzhavin, and demonstrate how the objective development of lexical, morphological and other systems of the Russian literary language is reflected in 18th century poetry. Particular attention is paid to the analysis of the author's corrections and differences fixed in different editions of "Anacreontic songs" by G.R. Derzhavin. It is found that Derzhavin's

lexical and grammatical usage was not accidental. It was a result of an intentional choice in favor of one of lexical or grammatical synonyms widely represented in the 18th century Russian language.

Keywords: language of 18th century poetry, Derzhavin's corrections, lexical and morphological differences.

Источники

АП – *Державин Г.Р.* Анакреонтические песни / Под ред. Г.П. Макогоненко. – М.: Наука, 1987. – 471 с.

Литература

1. *Гоголь Н.В.* В чём же, наконец, существо русской поэзии и в чём её особенность // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6: Избранные статьи и письма. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – С. 152–177.
2. Сочинения Г.Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. – Т. 2. – XVI, 736 с.
3. *Петрова З.М.* К вопросу об издании литературных памятников XVIII века (лингвотекстологические замечания) // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. – М.-Л.: Наука, 1965. – С. 271–300.
4. *Бабкин Д.С.* Архив Г.Р. Державина в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР // Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. – М.-Л.: Наука, 1952. – Вып. 3. – С. 71–84.
5. *Марков В.М.* Из лингвистических наблюдений над разновременными редакциями стихотворений Г.Р. Державина // Г. Державин. История и современность. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. – С. 196–206.

Поступила в редакцию
11.07.14

Зайконникова Татьяна Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, г. Казань, Россия.

E-mail: confix@mail.ru